

Леонтьева Ольга Васильевна*, старший преподаватель кафедры социологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко;

Ястребчак Владимир Валерьевич**, министр иностранных дел Приднестровья (2008–2012 гг.), независимый эксперт.

Политические элиты Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики: формирование, генезис, внешние факторы

Ситуация в Молдавии и Приднестровье более двух десятилетий является объектом пристального внимания политиков, чиновников, экономистов, а также политологов, конфликтологов, правоведов и экспертов из других областей научного знания. Исследуются различные аспекты урегулирования, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение.

Одним из перспективных направлений анализа является, по нашему мнению, изучение различных аспектов урегулирования через призму теории элит, тем более что некоторые авторы рассматривают проблематику взаимоотношений политических классов в качестве одного из важнейших факторов, обусловивших возникновение и развитие молдавско-приднестровского конфликта, а также схожих конфликтов на постсоветском пространстве¹.

Применительно к нашему исследованию мы руководствуемся функциональным подходом к понятию "политическая элита", согласно которому в данную социальную группу входят лица, принимающие общегосударственные решения или способные влиять на них исходя из принадлежности к государственным органам и независимо от морально-этических качеств тех или иных представителей политической элиты. В связи с этим термины "политическая элита" и "политический класс" используются нами как синонимы.

* lov_pmr@mail.ru.

** vladhawk@rambler.ru.

¹ См., например: *Рогозин Д.* Ястребы мира: Дневник русского посла / Д. Рогозин. М. : Альпина нон-фикшн, 2010. С. 26; *Енин Е. В.* Обеспечение национальных интересов Украины в процессе урегулирования приднестровского конфликта : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Енин Е. В. Киев : Национальный институт проблем международной безопасности при СНБОУ Украины, 2010. С. 12.

В конфликте между Молдавией и Приднестровьем фактор элит изначально выступал в качестве весомого конфликтогенного элемента. В значительной мере это было обусловлено разным генезисом региональных элит, а также тем внешним воздействием, которое на них оказывалось.

Формирование политической элиты Республики Молдова осуществлялось в целом по традиционной для подавляющего большинства национальных союзных республик схеме, естественно, с учётом региональной специфики. В частности, в первые два десятилетия после румынской оккупации политический класс Молдавской ССР формировался преимущественно за счёт руководящих кадров Молдавской АССР, существовавшей в 1924–1940 гг. в составе Украинской ССР, а также из отдельных представителей Компартии Правобережья.

Молдавские авторы нередко указывают на "непропорциональность" представителей Левобережья в политической элите страны², а также на их "идеологическую зашоренность как левобережцев-сталинцев"³. Нередко упоминается и о том, что таким образом центральная власть якобы осуществляла "систематическую дискриминацию румынского мажоритарного населения"⁴. Эмоциональная окрашенность данных оценок и их далёкий от науки характер подтверждаются тем, что, во-первых, именно первые поколения политической элиты МССР подготовили основу для будущих поколений, в том числе и тех, которые позднее провозглашали независимость Молдавии. Во-вторых, в 60-е гг. прошлого века началась практика "коренизации" государственного аппарата. Её суть состояла в том, что "правлящий класс в национальных республиках должен был рекрутироваться на основе этнического принципа из лиц титульной национальности"⁵. Это позволило уже к концу 1970 г. говорить о превышении числа молдаван среди руководящих кадров "по сравнению с тем, что вытекало из национальной структуры населения республики"⁶.

По мере ослабления центральных институтов власти в Советском Союзе в Молдавской ССР, как и в других национальных союзных республиках, стали развиваться центробежные тенденции, причём "локомотивом" их стала партийно-государственная номенклатура, подготовленная в рамках "коренизации" госаппарата. Возможность трансформации политической власти, контролируемой общесоюзным центром, в полномасштабную, ни перед кем не отчитывающуюся политическую и экономическую власть стала определяющим мотивом для национальной партийной номенклатуры при принятии решения о поддержке движения за независимость.

² См. "История Приднестровского региона с древнейших времён до настоящего времени": O istorie a regiunii Transnistrene din cele mai vechi timpuri până în prezent / coord. D. Dragnev ; red. L. Svetlicnâi. Chişinău : Bons Offices, 2007. P. 348.

³ *Косташ И.* Дни затмения: Хроника необъявленной войны / Ион Косташ. Кишинёв : Б. и., 2011. С. 7.

⁴ *Попа И., Попа Л.* Румыны, Бессарабия и Приднестровье / Иоан Попа, Луиза Попа. Chişinău : Prut International, 2010. С. 159.

⁵ *Ожиганов Э. Н.* Этнополитический конфликт в Приднестровье: причины и развитие (1989–1992 гг.) / Э. Н. Ожиганов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. № 20 (308). С. 29.

⁶ *Бодюл И. И.* Дорогой жизни. Время, события, раздумья. Воспоминания / И. И. Бодюл. Кишинёв : Кушнир и Ко, 2002. С. 86.

Как справедливо отмечается, во многих национальных республиках борьбу за суверенитет повёл "парадоксальный союз гуманитарной интеллигенции, крестьян и номенклатуры", в котором интеллигенция обеспечивала лозунги и идеологическую составляющую; село, в котором сохранялись национальные традиции, – массовость; а номенклатура создавала необходимые условия для деятельности националистических организаций, пользовалась плодами их борьбы"⁷.

В Республике Молдова все составляющие данной "триады" были в полной мере представлены: высшее руководство Молдавской ССР осуществляли "выходцы" из высшего звена советской партийно-государственной номенклатуры, причём данная ситуация сохранялась на протяжении длительного времени. "Творческая интеллигенция", включая многих "заслуженных" и "народных" деятелей культуры (указывается, например, что численность Союза писателей Молдавии с послевоенных времён к концу 80-х гг. прошлого века выросла в 10 раз⁸), встала на путь агрессивного национализма и сформировала идеологическую концепцию молдавской независимости, основанную на идее "советской оккупации". Наконец, тот факт, что первым президентом независимой Молдавии стал М. Снегур – бывший секретарь ЦК Компартии МССР по вопросам сельского хозяйства, – существенно облегчал подключение сельского населения к проведению массовых акций, включая "великие национальные собрания" в центре Кишинёва. Местный политический класс, вовремя сориентировавшийся в ситуации, осуществлял также внешнюю коммуникацию как с другими республиками распадавшегося СССР, так и с иными заинтересованными государствами и международными организациями.

Таким образом, в целом можно говорить о том, что политическая элита независимой Республики Молдова формировалась по общим принципам, присущим постсоветским политическим элитам, прежде всего в том смысле, что имела место трансформация советской партийно-государственной номенклатуры с рекрутированием ряда социально-активных групп. Изменения в структуре политической элиты Молдавии, как отмечают молдавские исследователи, наметились лишь "в последние годы, особенно после событий 2009 года"⁹, когда правившая на протяжении восьми лет Партия коммунистов Молдавии во главе с В. Ворониным утратила власть.

Данная трансформация имела ряд особенностей, связанных с историческими, политическими, внешними и иными аспектами. К таким особенностям формирования первого поколения политической элиты

⁷ Ачкасов В. А. "Изобретение традиции": роль интеллектуальных элит в "идеологическом производстве" этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве / В. А. Ачкасов // Власть в России: элиты и институты : Материалы седьмого Всероссийского семинара "Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации" / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 20.

⁸ Кодряну Г. Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб / Г. Кодряну. Тирасполь : Типар, 2002. С. 10.

⁹ См. "Социальный профиль политической элиты Республики Молдова" в книге "Процессы социальной стратификации в Республике Молдова: особенности и тенденции": Gorban A. Profilul social al elitei politice din Republica Moldova / A. Gorban // Procese de stratificare sociala în Republica Moldova: particularități și tendențe. Chișinău : S. n., 2012. P. 107.

независимой Молдавии, которые обусловили дальнейший генезис молдавского политического класса и сохраняют актуальность и в наше время, можно отнести следующие.

1. Новая политическая элита Молдавии попыталась на первом этапе поддерживать некий "умеренный консенсус", состоявший в сохранении некоторых особенностей прежней системы, включая государственный контроль над экономикой, централизованную модель государственного управления и др.¹⁰ В данном случае можно говорить об определённых отличиях целей молдавской политической элиты от аналогичных шагов политэлит в некоторых других постсоветских республиках, прежде всего в Прибалтике, где процесс "десоветизации" стал не столько целью, сколько средством реализации "самостоятельного, самоценного приоритета" тамошних элит при вступлении в Евросоюз и НАТО¹¹. А в Молдавии прошедшая "десоветизация" не была такой же глубокой и всеобъемлющей, как в прибалтийских республиках, во многом из-за прямого правопреемства нового политического класса – наследника советской номенклатуры. В то же время процесс "вестернизации", сопряжённый преимущественно со стремлением к максимальному отдалению от России, был начат фактически ещё до окончательного распада Советского Союза и практически не прекращался на протяжении всей новейшей истории Молдавии. Как и во многих других постсоветских республиках, этот процесс сопровождался конкретными шагами по идеологизации истории, дискриминацией (особенно на начальном этапе) нетитульного населения и др.

2. Изначально политическая элита Республики Молдова представляла собой в целом консолидированную группу, по крайней мере на этапе провозглашения независимости. Однако практически сразу после распада Советского Союза в Молдавии начались процессы фрагментации элиты, причём основной предпосылкой разобщения являются не идеологические разногласия или политические установки, а перманентная борьба за власть, которая ведётся в ущерб "усилиям по развитию государства в соответствии с демократическими принципами и ценностями"¹². Таким образом, фрагментация политической элиты, присущая многим государствам, в Молдавии обусловлена скорее субъективными факторами, среди которых важное место занимают межличностные отношения между руководителями тех или иных элитных групп. Это подтверждается и тем, что наиболее острые противоречия возникают между политическими силами, придерживающимися схожих внешне- и внутривнутриполитических подходов (Демократическая партия и Либерально-демократическая партия; Партия коммунистов и Партия социалистов и др.).

¹⁰ Moldova's road to independence and strive for territorial integrity // Quo Vadis, Moldova? : analytical articles / European Integration Studies Center (Lithuania), Institute for Development and Social Initiatives "Viitorul" (Moldova). Lviv : Multi-M, 2007. P. 7.

¹¹ Сытин А. Н., Смирнов В. А. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит / Сытин А. Н., Смирнов В. А. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4. С. 100.

¹² Бырлэдяну В., Коадэ Л. Идентичность политических элит в определении внешней политики Республики Молдова (1997–2007) / В. Бырлэдяну, Л. Коадэ // Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ (Паттерны пограничной идентичности) : сб. науч. тр. Вильнюс : ЕГУ, 2010. С. 101.

3. Молдавская политическая элита весьма зависима от внешних факторов. При этом эти факторы в отношении политического класса Молдавии имеют несколько измерений и составляющих.

Во-первых, изначально моделью для формирования политической элиты Молдавии служила румынская политическая элита, которая активно поддерживала центробежные устремления кишинёвской номенклатуры в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. В дальнейшем влияние румынского фактора на молдавскую политическую элиту не только не ослабло, но, напротив, значительно усилилось. Арсенал средств румынского влияния достаточно широк и включает различные направления работы, в том числе предоставление бюджетных мест в румынских вузах для молдавских абитуриентов; активное присутствие в информационном пространстве Молдавии румынских СМИ и их филиалов; присутствие в высшем руководстве республики лиц, имеющих румынское гражданство, и др. Как справедливо отмечается, "можно составить многотомный сборник материалов, в которых описываются действия Румынии, подпадающие под определение "политика румынизации"¹³.

Одновременно происходит ослабление российского влияния на молдавскую политическую элиту. Если в начале 90-х гг. благодаря тесным связям между представителями советской номенклатуры, занявшими высшие посты в независимых республиках, молдавский политический класс обоснованно мог рассчитывать на рассмотрение тех или иных вопросов в свою пользу, то к концу 90-х гг. ситуация меняется. Последовательные действия политэлиты Молдавии, направленные на ограничение связей с Россией, усиление западного влияния привели к существенному снижению российского влияния на правящий класс. Наиболее показательным можно считать ситуацию с "Меморандумом Козака" (проектом документа по урегулированию молдавско-приднестровского конфликта, разработанного по просьбе молдавского руководства), когда политическая элита Молдавии продемонстрировала не только неготовность принимать ответственные политические решения, но и полную зависимость от западного влияния.

В настоящее время тенденция к ослаблению российского влияния на молдавский политический класс сохраняется. Та часть политической элиты страны, которая заявляет о приоритетности отношений с Россией, не может считаться действительно пророссийской, поскольку своими конкретными действиями уже неоднократно доказывала конъюнктурный характер своей нынешней позиции, в основе которой лежат исключительно ожидания информационного, материального и иного содействия российской стороны в достижении целей, стоящих перед этими силами.

Во-вторых, внешний фактор не просто влияет на ситуацию в Молдавии, но и становится непосредственным "участником" процесса формирования данной элиты, от которого напрямую зависит конфигурация власти в республике. В частности, в условиях острого правительственного

¹³ *Гузенкова Т. С.* Международный статус и внешнеполитические притязания Румынии / Гузенкова Т. С. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв): сб. докл. междунар. науч. конф. / под ред. канд. ист. наук В. Б. Каширина. М. : РИСИ, 2011. С. 228.

кризиса 2013 г., приведшего к отставке правительства во главе с В. Филатом, Европейский союз в лице своих представителей принял активное участие в создании новой властной коалиции путём "переформатирования" прежнего альянса "За европейскую интеграцию". При этом степень вовлечённости европейских структур была и остаётся беспрецедентной: представители Евросоюза напрямую участвовали в переговорах по новой коалиции, не скрывая своей главной цели – сохранения данных сил у власти. Как отмечается, "Европейский союз решил открыто вступить в молдавскую политическую игру с олигархами", причём "ЕС позволил Молдавии провести испытания проевропейского демократическо-олигархического альянса"¹⁴, модель которого в случае успеха может быть распространена на другие страны "Восточного партнёрства".

Брюссель продолжает действовать на консолидацию молдавской политической элиты в собственных интересах. Подтверждением этому можно считать и решение о предоставлении молдавским гражданам права на безвизовые краткосрочные поездки в Евросоюз, и решение о подписании непосредственно перед выборами Соглашения об ассоциации, включая нормы о зоне углублённой и всеобъемлющей зоны свободной торговли¹⁵. Делается расчёт на сохранение у власти той части политэлиты, сомнений в лояльности которой у Европейского союза не будет.

В-третьих, внешний фактор оказывает значительное влияние на формирование идентичности в Республике Молдова. Можно говорить о парадоксальной ситуации: с одной стороны, молдавские политические элиты в целом едины относительно вектора развития республики, считая своим приоритетом европейскую интеграцию. Об этом свидетельствует тот факт, что активная деятельность по европейской интеграции получила значительный импульс в период президентства В. Воронина и пребывания у власти Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), которая в настоящее время выступает за евразийский вектор развития. Именно действия ПКРМ и соглашения, подписанные между Молдавией и Евросоюзом, позволили молдавской политической элите заложить основы неизменности европейского вектора развития через целый ряд интеграционных инструментов ("Восточное партнёрство", "Европейская политика соседства" и др.), что, в свою очередь, позволяет обеспечить "перенос европейских ценностей в [молдавское. – Прим. авт.] общество"¹⁶.

С другой стороны, разрозненность элиты, проявляющаяся в борьбе за власть, а не в конкуренции идей, приводит к размыванию идентичности

¹⁴ Kowal P. The Moldovan Gambit / Paweł Kowal // New Eastern Europe. 2013. № 4 (IX). P. 58.

¹⁵ То обстоятельство, что в связи с украинскими событиями подписание Соглашения об ассоциации между ЕС и РМ было перенесено на более ранний срок, лишь подтверждает изложенное. Евросоюз, в одностороннем порядке принявший решение о переносе, продемонстрировал свою готовность менять свои планы в зависимости от приоритета тех или иных региональных интересов, а также отсутствие иной кроме влияния на политическую элиту Молдавии и электоральные предпочтения населения мотивации при определении графика контактов с Республикой Молдова.

¹⁶ См. "Аксиологическое измерение европейской интеграции Республики Молдова" в сборнике "Вестник философии, социологии и политических наук": Rusu R. Dimensiunea axiologică a integrării europene a Republicii Moldova / Rodica Rusu // Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice. 2013. № 1 (161). P. 82.

как молдавского народа, так и молдавской государственности. Несмотря на фактический консенсус элит относительно европейского вектора развития страны, в рамках борьбы за сохранение или приход к власти, различные политические силы пытаются заручиться поддержкой избирателей, для чего создают видимость принципиальных разногласий по вопросу внешнеполитического выбора.

При этом мы считаем возможным говорить и о том, что в Молдавии сложился внутриэлитный консенсус относительно внутривнутриполитических приоритетов, охватывающий практически все аспекты. Принципиальные разногласия в отношении социальных, экономических и иных составляющих государственного строительства в Молдавии отсутствуют, за исключением крайних подходов к идеологическим проблемам.

Таким образом, несмотря на фактическое отсутствие противоречий между различными группами молдавской политической элиты, действия этих групп не способствуют формированию такого же консенсуса в молдавском обществе. Более того, складывается впечатление, что в борьбе за власть представители этих сил намеренно способствуют расколу общественного сознания и утрате идентичности. По сути, именно отсутствие самостоятельной и самоценной идентичности становится основным итогом фрагментации молдавской элиты в борьбе за власть и её консенсуса по основным вопросам развития.

В молдавской политической науке признаётся раскол между социальными группами по вопросу о выборе вектора развития. Вместе с тем отмечается, что за европейскую интеграцию выступают люди, которые "чувствовали необходимость вновь обрести свои традиции, язык и религию... обрести такие демократические ценности, как свобода слова, выбора, мысли и передвижения... Большинство в этой категории составляли коренные жители, молдаване (румыны), имевшие сильные исторические корни на этой территории". Выбор в пользу Востока делали "русские, украинцы, болгары, а также гагаузы из гагаузского автономного образования – меньшинства, преимущественно разговаривавшие на русском языке"¹⁷. Даже учитывая, что приведённая характеристика касалась социальной фрагментации молдавского общества в период обретения Молдавией независимости, указание на гагаузскую автономию, учреждённую через несколько лет после провозглашения независимости, и выбор в качестве ориентира европейской интеграции позволяют уверенно распространять подобные суждения на современную ситуацию. Таким образом, в молдавской науке формируется мнение, что выбор большинства, в первую очередь коренного населения, этнических "молдаван (румын)" – это Запад, выбор меньшинства, в первую очередь "пришлых" этнических групп, – это Восток.

4. Конфликт с Приднестровьем, безусловно, оказал влияние на молдавскую политическую элиту, однако это влияние не было определяющим для формирования политического класса Молдавии. Молдавско-приднестровские отношения не имели такого мобилизующего влияния на

¹⁷ *Boian V.* Republic of Moldova's security context: Challenges and future perspectives / Victoria Boian // Security and development in a complex policy environment: Perspectives from Moldova, Armenia, Tajikistan and Kazakhstan / ed. by H. Rytovuori-Apunen et al. Yerevan, 2012. P. 9.

политэлиты Молдавии, однако о ряде аспектов прямого и косвенного влияния говорить всё же есть основания.

В частности, тематика урегулирования выполняет интегративную роль для молдавской политической элиты. На данном этапе практически все основные силы Молдавии едины в своих подходах к проблеме Приднестровского конфликта, видя в качестве основы унитарную модель урегулирования. Кроме того, в 2005 г. закон о статусе "районов Левобережья Днестра (Приднестровья)"¹⁸ был принят молдавскими парламентариями единогласно, что подтверждает наличие консенсуса молдавской элиты в отношении Приднестровья, тем более что и после смены власти в 2009 г. ни одна из ведущих политических сил республики не заявила о намерении пересмотреть унитарный подход.

В определённой степени консолидации молдавской политической элиты способствует традиционно враждебное отношение молдавского экспертного сообщества к приднестровской политической элите. В экспертной среде преобладают резко отрицательные оценки, которые независимо от конкретных сил, находящихся у власти в Кишинёве, направлены на то, чтобы не допустить компромиссных развязок между молдавской и приднестровской политическими элитами. В экспертных суждениях, претендующих на научность, можно встретить идеи о том, что приднестровская политэлита способна на физическое устранение представителей молдавского руководства¹⁹.

Важным является косвенное влияние, которое оказывает приднестровская проблематика на молдавскую политическую элиту. Отношение политического класса Молдавии к тем или иным возможным моделям урегулирования неоднократно становилось своеобразным тестом на ответственность, договороспособность и готовность молдавской политэлиты к принятию компромиссных решений. Приходится констатировать, что политическая элита Молдавии действует преимущественно по принципу "всё или ничего", не допуская возможности найти совместные решения. Наибольшую известность получил случай с подписанием "Меморандума Козака" в 2003 г., который, во-первых, стал наглядным свидетельством высокой степени зависимости молдавской политэлиты от Запада; а во-вторых, подтвердил её нежелание находить компромиссы даже в интересах будущего своей государственности.

Приднестровская политическая элита формировалась по принципиально иным законам. Различия на уровне местных элит фиксировались независимыми наблюдателями ещё в середине XX в.²⁰, при этом особо

¹⁸ Закон Республики Молдова от 22 июля 2005 г. № 173–XVI "Об основных положениях особого правового статуса населённых пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)" // Registrul de stat. Al actelor juridice al Republicii Moldova : интернет-сайт. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313004&lang=2> (дата обращения: 03.04.2014).

¹⁹ См., например: *Munteanu I. et al. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values* / Igor Munteanu, Iulian Chifu, Romanița Berghia, Iulian Frunțașu, Nicolae Chirtoacă, Valeriu Prohnițchi, Dan Dungaciu, Boris Asarov, Radu Gorincioi, Ion Naval. Chișinău : Cartier : Bons Offices, 2005. P. 150.

²⁰ *Hill R. J. Soviet political elites: the case of Tiraspol* / Ronald J. Hill. New York : St. Martin's Press, 1977. P. 14.

отмечалось, что в Верховном Совете МССР Тирасполь был представлен "одним или несколькими "внешними назначенцами с незначительным интересом к благосостоянию города; председателем горисполкома или первым секретарём горкома, для которых связь с городом, его интересы и проблемы были временным феноменом; а также несколькими некарьерными политиками, из которых только один, как правило, располагал авторитетом и статусом исходя из важной управленческой позиции"²¹. Такая ситуация убедительно опровергает тиражируемое в молдавской литературе мнение о том, что Тирасполь якобы имел "привилегированное положение" в рамках МССР²².

Об отсутствии "привилегированного статуса" свидетельствовало и масштабное наступление на социальные права целых этнических групп, проживавших в Приднестровье. Например, в рамках опоры на титульные нации в союзных республиках к 1968 г. на территории нынешнего Приднестровья были закрыты все украинские школы, которых ранее насчитывалось более 50²³. Особо следует отметить, что, в отличие от Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, в Приднестровье не было автономных, надрайонных структур управления, которые могли бы выступать основой для формирования и консолидации региональной политической элиты, а также эффективно представлять интересы автономии на республиканском или общесоюзном уровнях.

Тем не менее существовавшие противоречия носили латентный характер до того, пока центральные партийные и государственные органы СССР не стали ослабевать и не перестали сдерживать возникшие центробежные тенденции в союзных республиках, в значительной степени связанные с усилением национальных политических элит.

В Молдавской ССР, как и в большинстве союзных республик, "национальное возрождение" титульной нации обусловило массовые нарушения прав иных этнических групп. Отправной точкой стало принятие Верховным Советом МССР законов о государственном языке МССР и о его функционировании на территории республики, которые были утверждены, несмотря на массовые протесты различных социальных групп. Как следствие, имплементация новых законодательных актов предсказуемо привела к росту напряжённости и созданию институтов, главной целью которых было выражение и защита интересов населения, не согласного с политикой республиканских структур.

Ещё в период общественной дискуссии накануне принятия законов о языках в крупных промышленных узлах МССР – Тирасполе, Бендерах, Рыбнице – стали формироваться институты, ориентированные на консолидацию усилий по противодействию дискриминационным действиям политической элиты Молдавской ССР. Главной формой протеста в августе

²¹ См.: *Hill R. J.* Soviet Political Elites: the Case of Tiraspol. P. 148.

²² См.: *O istorie a regiunei Transnistrene din cele mai vechi timpuri până în prezent.* P. 352.

²³ *Левусь Д., Турган О.* Точка неповернення / Д. Левусь, О. Турган // Зовнішні справи. 2008. № 8. С. 37.

1989 г. стала политическая забастовка, основными "очагами" сопротивления – промышленные предприятия, а узловыми элементами – объединённые советы трудовых коллективов городов и районов, которые координировали действия отдельных предприятий в пределах соответствующих административно-территориальных единиц. Рабочие промышленных предприятий, "поддержанные инженерно-технической интеллигенцией и... крестьянством", сумели "сплотить все здоровые силы общества для защиты прав человека и гражданина"²⁴. В дальнейшем именно объединённые советы трудовых коллективов стали важнейшим каналом рекрутирования политической элиты Приднестровья.

Демократизация общественных процессов в Советском Союзе способствовала и повышению представительства в местной политической элите. Так, в ходе состоявшихся в феврале 1990 г. выборах в Верховный Совет МССР (последних выборов в органы власти Молдавии, в которых принимали участие жители Приднестровья) все 18 депутатов от Тирасполя были избраны впервые, все являлись постоянными жителями города, хотя ранее постоянных жителей в числе депутатов ВС МССР от Тирасполя было не более половины²⁵, а назначение на ответственные должности местного жителя допускалось лишь как "временная мера в случае, когда отсутствовали иные приемлемые кандидаты"²⁶. Кроме того, важным условием избрания депутатов была поддержка их объединёнными советами трудовых коллективов (13 депутатов из 18).

Аналогичная картина сохранилась и при формировании первых представительных органов Приднестровья. Так, около 80 % депутатов, избранных в Верховный Совет ПМР первого созыва в 1990 г., состояли по основным позициям на платформе Объединённого совета трудовых коллективов²⁷.

Партийно-номенклатурный канал рекрутирования политической элиты, являвшийся важнейшим для Молдавии, в Приднестровье не имел принципиального значения: как и в Кишинёве, большинство членов первого парламента были членами КПСС, однако не следует забывать, что данные парламента избирались ещё в период существования Советского Союза и сохранения нормы о "руководящей и направляющей" роли Компартии. Кроме того, в Приднестровье партийные функционеры, подчиняясь внутренней дисциплине, в большинстве своём не поддерживали провозглашение независимости Приднестровья, поэтому их число в приднестровской политической элите не было определяющим. Характерным является и то, что будущее руководство независимой Молдавии исключило из КПСС будущих руководителей Приднестровья в соответствии с решением контрольно-ревизионной комиссии ЦК КПМ за "организацию деструктивных... акций, направленных на изменение государственного устройства... ССР Молдова"²⁸.

²⁴ Волкова А. Горячее лето 1989 г. / А. Волкова. Тирасполь : Типар, 2004. С. 23.

²⁵ Кодряну Г. Указ. соч. С. 76.

²⁶ Hill R. J. Op. cit. P. 159.

²⁷ Бомешко Б. Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, 1990–2010 гг. / Б. Бомешко. Бендеры : Полиграфист, 2010. С. 26.

²⁸ Приднестровская Молдавская Республика. Хроника основных событий. Тирасполь : История ПМР, 2007. С. 169.

Ещё одним важным каналом рекрутирования в приднестровскую политическую элиту стал отток из Кишинёва и других городов и районов Молдавии квалифицированных кадров, подвергшихся языковой и иной дискриминации, а также разделявших идеи, провозглашённые в Приднестровье. Так, экс-преподаватель Кишинёвского государственного университета В. Лицкай, занимавший руководящие посты в аппарате президента и правительства, вплоть до 2008 г. возглавлял внешнеполитическое ведомство ПМР. Депутат Верховного Совета МССР А. Сафонов, учитель одной из кишинёвских школ, стал первым министром просвещения Приднестровья и основателем приднестровского государственного информационного агентства "Ольвия-пресс". Кадровый состав Верховного суда ПМР в значительной степени был укомплектован судьями Верховного суда МССР и народными судьями МССР. При этом факт работы в приднестровских государственных структурах становился основанием для различных санкций со стороны молдавской власти: А. Сафонов из СМИ узнал о прекращении своих полномочий как депутата молдавского парламента²⁹. Судьи, перешедшие под юрисдикцию Приднестровья, освобождались молдавскими властями от должностей "за совершение порочащего проступка, несовместимого с высоким званием народного судьи", а против ряда судей были возбуждены уголовные дела³⁰.

Таким образом, формирование приднестровской политической элиты происходило не путём трансформации прежней партийно-государственной номенклатуры при участии некоторых других социальных групп, а посредством рекрутирования во власть контрэлиты Молдавии. Ядро этой контрэлиты составили участники протестного движения – преимущественно представители промышленного сектора, а также "нетитульной" нации, покинувшие Молдавию по различным причинам и перешедшие в создаваемые государственные структуры Приднестровья. Если в Молдавии речь шла об обретении экономической власти представителями политической элиты, то в Приднестровье, напротив, представители индустриальной сферы становились политической элитой, приобретая политическую власть.

Организационно-функциональным механизмом формирования и легитимизации приднестровской политической элиты стало избрание участников протестного движения на выборные должности в местных и республиканских представительных органах власти, что позволило в дальнейшем использовать именно советы всех уровней в качестве ключевого ресурса легитимности принимаемых решений. Вместе с референдумами и другими формами непосредственной демократии выборные кампании в Приднестровье стали политической и правовой основой государственности и идентичности.

К настоящему времени процесс формирования самостоятельной приднестровской политической элиты можно считать завершённым. К особенностям её генезиса и современного состояния можно отнести следующие.

²⁹ Сафонов А. В Парламенте Молдовы и за его стенами (1988–1992): Записки депутата / А. Сафонов. Бендеры : Полиграфист, 2010. С. 116.

³⁰ Высший судебный орган ПМР : док.-худ. изд. / под ред. О. Д. Ивановой. Тирасполь : Типар, 2002. С. 11.

1. Для приднестровской политической элиты, как и для аналогичных социальных страт в других постсоветских государствах, характерна постепенная профессионализация политэлиты, переход к её большей замкнутости. Открытость элиты начала 90-х гг. прошлого века постепенно заменяется формированием и укреплением круга лиц, которые выполняют управленческие функции. Институциональным оформлением данной тенденции в Приднестровье становится конституционная реформа 2000 г., по итогам которой ПМР из преимущественно парламентской республики превращается в президентскую с широкими полномочиями главы государства. Именно с этого времени можно говорить не о постсоветских поколениях приднестровской элиты, а о "первом поколении приднестровского политического класса"³¹, тем более что именно в Верховный Совет этого созыва были избраны многие политики, занимающие и сегодня ведущие посты в государстве, включая нынешнего президента ПМР Е. Шевчука.

Управленческая деятельность постепенно становится сферой деятельности профессиональных кадров. Поэтому даже серьёзные кадровые изменения, связанные, к примеру, с избранием нового президента ПМР в 2011 г., не привели к масштабному рекрутированию представителей различных социальных групп. На фоне увеличившейся текучести кадров основными назначенцами стали лица, имевшие опыт работы во властных структурах, прежде всего в Верховном Совете во время председательства в нём Е. Шевчука.

2. Происходит локализация приднестровской политической элиты. В частности, в ней возрастает удельный вес лиц, родившихся и получивших высшее образование на территории Приднестровья. Если в первых двух созывах приднестровского парламента количество лиц, получивших высшее образование в вузах РСФСР, УССР и МССР, было сопоставимым, а выпускников Тираспольского педагогического института были единицы, то в Верховном Совете нынешнего, пятого, созыва, преобладают выпускники Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. В исполнительных структурах они составляют абсолютное большинство³².

Активное рекрутирование в приднестровскую политэлику благодаря образовательному каналу свидетельствует об устойчивости политического класса Приднестровья, что соответствует таким же тенденциям в других государствах.

3. При рекрутировании новых представителей в политическую элиту Приднестровья важное значение имеют субъективные факторы – личные знакомства, совместная учёба и (или) работа, территориальный фактор и т.п. Данные факторы также не являются приднестровской новацией, поскольку в той или иной степени работают в любом государстве. В данном случае можно рассматривать их в качестве ещё одного подтверждения того, что приднестровский политический класс развивается по общим для всего мира законам и принципам.

³¹ Соин Д. Ю. Законодательная власть Приднестровья в зеркале выборов 2000 года / Д. Соин ; под. ред. канд. ист. наук, проф. В. И. Проценко. Тирасполь, 2001. С. 19.

³² См.: Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики I–II созывов. Тирасполь : Типар, 2000. 64 с.; а также официальные интернет-сайты Верховного Совета (www.vspmr.org) и Президента ПМР (www.president.gospmr.ru).

4. В Приднестровье по-прежнему остаётся высоким уровень рекрутирования политэлиты из бизнеса. Причин для этого достаточно много, включая стремление представителей бизнес-сообщества получить дополнительные гарантии своих экономических интересов через своих представителей во власти; традиции, сложившиеся в Приднестровье с периода формирования собственного политического класса; особое место ведущих финансово-промышленных корпораций в политической жизни ПМР. Как и в большинстве других государств, действующая политэлита ПМР не может не допускать представителей бизнеса в свой круг, а с другой стороны – должна понимать необходимость соблюдения баланса между интересами крупного бизнеса и интересами государства, которые далеко не всегда совпадают.

5. Внешний фактор остаётся одним из наиболее существенных для генезиса приднестровской политической элиты. Нередко говорится об абсолютной "несамостоятельности" приднестровского политического класса вне зависимости от конкретных персоналий, находящихся у власти, о невозможности существования Приднестровья без поддержки со стороны России³³.

Не подвергая сомнению влияние внешнего фактора на приднестровскую политическую элиту, отметим следующее. Приднестровье располагается на перекрёстке транспортных коридоров, а если подойти с более глобальных позиций – то на пересечении геополитических интересов и границе цивилизаций. Это обуславливает вовлечение самых разных внешних сил как во внутривнутриполитические процессы в ПМР, так и в ситуацию вокруг неё.

Во-первых, существенными рычагами воздействия на приднестровский политический класс располагает Российская Федерация. Гуманитарные проекты, социально-экономическая и гуманитарная помощь, ведущая роль в обеспечении безопасности и многое другое – всё это вызывает заслуженное уважение и признательность к России со стороны приднестровского политического класса и народа.

Вместе с тем было бы неверным переоценивать влияние России на ситуацию в Приднестровье. Так, в период президентской избирательной кампании 2011 г. российская сторона оказывала "жёсткое давление на приднестровское руководство, направленное на трансформацию политического режима"³⁴. Тем не менее, несмотря на ярко выраженную благосклонность большинства официальных структур РФ к одному из кандидатов, победу одержал кандидат, поддержанный протестным электоратом. Схожая ситуация была и во время кампании 2001 г., когда российская сторона также достаточно жёстко действовала против тогдашнего главы Приднестровья, однако избиратели поддержали И. Смирнова на посту главы государства. По сути, внешнее давление на политическую элиту

³³ См., например, "Внешняя политика Европейского союза и постсоветские конфликты": *Popescu N. Politica externă a Uniunii Europene și conflictele post-sovietice / Nicu Popescu ; trad. din engl. de. Alexandru Șiclovan. Chișinău : Cartier, 2013. P. 77.*

³⁴ *Девятков А. В. Перед вызовом европеизации: политика России в приднестровском урегулировании (1992–2012 гг.) : моногр. / А. В. Девятков. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 117.*

нередко оказывало на приднестровское население обратное воздействие, а представители приднестровской политэлиты опровергали мнение об их "подконтрольности" Москве, сохраняя при этом подчёркнуто пророссийскую риторику.

Нет также оснований считать голосования 2001 и 2011 гг. проявлением антироссийских настроений в приднестровском обществе. Как отмечено выше, на начало нынешнего века пришёлся первый этап формирования, собственно, приднестровской политической элиты, которая проходила этап самоутверждения. Соответственно, и население, доказавшее свою способность к самоорганизации в конце 80-х гг. прошлого века, стремилось поддержать собственный политический класс в качестве суверенного выбора. В 2011 г. результаты голосования в значительной степени были обусловлены стремлением приднестровского народа к переменам, которые связывались не с прежней властной командой и не с представителями крупного бизнеса.

Во-вторых, в отличие от Молдавии, для приднестровской элиты факт наличия второго гражданства не всегда является свидетельством принадлежности к зарубежной идентичности, поскольку в Приднестровье вопрос второго (помимо приднестровского) гражданства является в значительной степени утилитарным, так как от наличия гражданства признанной страны зависит возможность свободного пересечения границ. В Молдавии же наличие иного гражданства (как правило, румынского) у представителей политического класса рассматривается как свидетельство их самоидентификации в качестве части румынского этноса и румынской региональной элиты.

В-третьих, нельзя недооценивать украинский фактор. Украина также располагает различными возможностями для влияния на приднестровскую политическую элиту и неоднократно пыталась задействовать этот ресурс. Более того, активизация роли Украины в молдавско-приднестровском урегулировании в 2005 г. позволила некоторым украинским экспертам считать итогом парламентских выборов в ПМР в том же году формирование "новой приднестровской элиты, которая будет более украинско-ориентированной, чем её предшественница"³⁵. Вместе с тем украинский политический класс традиционно проявлял себя не всегда последовательно, руководствуясь преимущественно ситуативной внешней конъюнктурой и навязываемыми извне решениями, а не реальным анализом ситуации. Так было в 2006 г. во время введения блокадных мер против приднестровской экономики, так продолжается и в 2014 г., когда украинские власти вводят ограничения на пересечения приднестровского сегмента границы отдельными категориями граждан.

При этом в 2006 г., стремясь повлиять на политэлиту Приднестровья, Киев фактически заморозил на 5 лет любые серьёзные изменения в её составе. Именно действия украинской стороны позволили тогдашнему приднестровскому руководству в очередной раз мобилизовать население вокруг внешней угрозы и предотвратить ожидавшуюся Киевом "украинизацию" приднестровского политического класса. В итоге роль Украины

³⁵ Коробов В., Бянов Г. Обновление Приднестровья / В. Коробов, Г. Бянов. Херсон : Надднепряночка, 2006. С. 12.

как потенциального субъекта влияния на внутривластные процессы в Приднестровье была серьёзно ограничена, и, по-видимому, в обозримой перспективе эта ситуация для Киева вряд ли изменится в лучшую сторону.

По сложившейся традиции внешний фактор в Приднестровье играет в основном консолидирующую роль, причём можно выделить как "позитивную", так и "негативную" консолидацию. В первом случае мы говорим о роли России, которая неизменно воспринимается в Приднестровье как главный источник поддержки и защиты населения республики. Что касается "негативной" консолидации, то под ней мы подразумеваем многочисленные вызовы и угрозы внешнего порядка, которые создают необходимость мобилизации и объединения усилий политэлиты и всего общества. При этом элита не осуществляет изолированных действий: в своих шагах приднестровский политический класс ограничен общественными приоритетами, в первую очередь провозглашёнными в ходе референдумов разных лет, в особенности 2006 г. (около 97 % принявших участие в голосовании приднестровцев высказались за продолжение курса на независимость с последующим свободным присоединением к РФ)³⁶.

Как следствие, приднестровский политический класс избежал проблемы фрагментации: все группы политэлиты действуют в рамках консенсуса в вопросе о приоритете интеграции с Россией, такой же консенсус существует между политической элитой и народом.

6. Внешние субъекты нередко испытывают завышенные ожидания в отношении приднестровской политической элиты, полагая, что смена тех или иных элитных групп позволит оперативно разрешить существующие противоречия. Например, ещё В. Воронин полагал, что "со Смирновым вести переговоры невозможно", а сам конфликт "может быть разрешён только после смены власти в Тирасполе"³⁷.

Закономерно, что особые ожидания были связаны с приходом к власти в Приднестровье нового президента. На Западе ожидали "большей открытости в отношении ЕС и большей гибкости в вопросе статуса непризнанной республики", хотя эти ожидания "полностью отличались"³⁸ от ожиданий народа Приднестровья. Вместе с тем признаётся, что присоединение к Таможенному союзу, идея интеграции на Восток, экономической и политической интеграции с Россией пользуются "огромной поддержкой населения"³⁹, что свидетельствует, по нашему мнению, о значимости общественного мнения и о его эффективном контроле над действиями любой власти. Пока что нет никаких оснований говорить о том, что приднестровский политический класс будет готов выйти за пределы предоставленного ему приднестровским народом мандата.

³⁶ Приднестровье проголосовало за присоединение к России. За это высказалось более 97 % граждан республики, принявших участие в референдуме // "Ольвия-пресс" : информ. агентство. URL: <http://www.olvia.idknet.com/ol160-09-06.htm> (дата обращения: 31.03.2014).

³⁷ См.: Чубашенко Д. Отношения между Молдовой и Приднестровьем при Воронине / Д. Чубашенко // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья : сб. ст. / науч. ред. К. Мацузато. Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. С. 87.

³⁸ Oleksy P., Calus K. Expectations and reality collide in Tiraspol / Piotr Oleksy, Kamil Calus // New Eastern Europe. 2013. № 2 (VII). P. 98.

³⁹ Ibid. P. 104.

7. На начальном этапе фактор взаимоотношений с Молдавией имел определяющее значение для формирования приднестровской политэлиты. Молдавия представляла собой основной источник напряжённости на внешнем периметре, а также стремилась активно препятствовать формированию государственных институтов Приднестровья. В какой-то степени можно говорить о том, что одним из исходных принципов при формировании приднестровской политэлиты была известная формула "Приднестровье – не Молдова", и противодействие молдавской стороне стало основным консолидирующим фактором.

В то же время Республика Молдова стала не столько фактором влияния на приднестровскую политэлиту, сколько одним из важнейших элементов в формировании приднестровской идентичности. Ключевую роль сыграла агрессия Молдавии против Приднестровья в 1992 г., "из горнила которой вышел уже единый народ – приднестровцы"⁴⁰. В Приднестровье формируется новая гражданская и политическая идентичность, основанная на ценностях интернационализма, соблюдения прав человека и этнических общностей, межнационального согласия, независимости и максимальной интеграции с Россией, а также иных ценностей, обусловленных историческими, географическими и иными факторами. По данным социологических исследований, 89,28 % населения Приднестровья идентифицируют себя с приднестровским народом⁴¹.

Если политические элиты Молдавии и Приднестровья после распада Союза ССР развивались по схожим законам, что на определённых этапах позволяло находить компромиссы, то народы двух государств воспринимают подобные компромиссы настороженно, считая, что они не должны наносить ущерба стратегическим интересам. Как свидетельствуют данные социологических исследований, проведённых кафедрой теории и методологии социологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, в 2013 г. 44,4 % жителей Приднестровья считали, что конфликт между Молдавией и Приднестровьем – это "конфликт между народом Приднестровья, ориентированным на Россию, и народом Молдовы, ориентированным на Европу", ещё 28,3 % считали конфликт "проявлением противоречий между Западом и Россией" и только 27,3 % полагали, что имеет место "конфликт руководителей сторон"⁴². Схожие цифры (44,3, 25,6 и 29,9 % соответственно) получены при аналогичном исследовании в 2014 г.⁴³

⁴⁰ *Смирнов И.* За политическую стабильность и общественное согласие / И. Смирнов // Герой нашего времени. 2006. № 1 (7). С. 8.

⁴¹ *Медведева И.* Гражданская идентичность приднестровцев как основа государственной стабильности / И. Медведева // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 2. С. 55.

⁴² *Леонтьева О. В.* Влияние политических элит на процесс урегулирования отношений между Молдовой и Приднестровьем / О. В. Леонтьева // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. / [отв. ред. В. А. Ветренко]. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2013. С. 36.

⁴³ Исследование проведено кафедрой социологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко 27–28 февраля 2014 г. в рамках ежегодного исследования социального самочувствия жителей Приднестровья.

В связи с этим, как нам представляется, вряд ли правомерно сводить молдавско-приднестровский конфликт исключительно к "конфликту элит". Восприятие данного конфликта только как межэлитного ведёт к неоправданному упрощению его истоков и сути и, как следствие, значительно отодвигает перспективы его разрешения. Конфликт элит, безусловно, существует, но он является производным от конфликта идентичностей, одна из которых уже сформировалась в Приднестровье, а другая, на территории Молдавии, пока только пытается обрести себя.

Нельзя не согласиться с тем, что значение молдавско-приднестровского конфликта как конфликта идентичностей "недооценивается на международном и геополитическом уровнях принятия решений"⁴⁴. Представляется, что только учёт фактора идентичности способен обеспечить успех в урегулировании данного конфликта.

Ключевые слова: *политические элиты Молдавии и Приднестровья – рекрутирование элит – Россия – Евросоюз – Украина – идентичность.*

Keywords: *political elites of Moldavia and Transnistria – recruitment of elites – Russia – EU – Ukraine – identity.*

⁴⁴ *Filippova O.* Dimensions of Transnistrian identity in present-day political developments / Olga Filippova // Security and development in a complex policy environment: Perspectives from Moldova, Armenia, Tajikistan and Kazakhstan. Yerevan, 2012. P. 49.